

УКРЕПЛЕНИЕ ЗАКОННОСТИ И БОРЬБА С ПРЕСТУПНОСТЬЮ

О СОДЕРЖАНИИ НОРМ ГЛАВЫ 8 УК РОССИИ

© 2010 г. Валентин Иванович Михайлов¹

Краткая аннотация: в уголовно-правовом смысле суть необходимой обороны и других проявлений правомерного вреда, отраженных в нормах гл. 8 УК РФ, сводится к соответствующим ситуациям (обстоятельству, условию, причине), которые через характеризующие их признаки закреплены в гипотезах норм гл. 8 УК РФ. Критикуется позиция, в соответствии с которой в нормах гл. 8 УК РФ описаны деяния. Вносятся предложения о дополнении уголовного и уголовно-процессуального законов положениями о правомерном вреде.

Annotation: in terms of criminal law the substance of necessary defense and other manifestations of lawful damnification, envisaged by rules of Chapter 8 of the Criminal Code of the Russian Federation, shall come to appropriate situations (circumstance, condition, cause) which are defined by hypotheses of rules of Chapter 8 of the Criminal Code of the Russian Federation by means of specific features characterizing them. Position describing acts in rules of Chapter 8 of the Criminal Code of the Russian Federation shall be subjected to criticism. It is suggested that criminal and procedural criminal law should be amended by introducing provisions regulating lawful damnification.

Ключевые слова: ситуации правомерного вреда, обстоятельства, исключающие преступность деяния, преступление, состав преступления, норма права, необходимая оборона.

Key words: lawful damnification situations, circumstances excluding criminality of an act, crime, corpus delicti, rule of law, necessary defense.

В гл. 8 УК РФ “Обстоятельства, исключающие преступность деяния” закреплены нормы о необходимой обороне (ст. 37), причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление (ст. 38), крайней необходимости (ст. 39), физическом и психическом принуждении (ст. 40), обоснованном риске (ст. 41), исполнении приказа или распоряжении (ст. 42). В юридической литературе, на наш взгляд, вполне обоснованно к проявлениям правомерного вреда (обстоятельствам, исключающим преступность деяния) относятся также согласие лица, исполнение закона и некоторые другие², хотя и даются им разные наименования.

Однако вопрос о том, что же отражено в нормах гл. 8 УК РФ: вредоносные деяния по отражению посягательства (устранению опасности и т.д.) или же специфические обстоятельства (условия, причины), в пределах которых причинение вреда с точки зрения социума является полезным или допустимым, до недавнего времени в юридической литературе специально исследованию не подвергался.

В российских уголовных законах необходимая оборона и иные проявления правомерного вреда определялись по-разному. В соответствии с Уложением о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. невинное причинение вреда, малолетство, ошибка, необходимая оборона и т.д. назывались “причинами, по коим содеянное не должно быть вменено в вину”. В Уголовном уложении 1903 г. конкретные проявления правомерного вреда именовались “условиями вменения и преступности деяния”. В УК РСФСР 1926 г. необходимая оборона обозначалась через “состояние”. Этот же термин использовался в УК РСФСР 1960 г. при характеристике необходимой обороны и крайней необходимости.

Как уже указывалось, в УК РФ гл. 8 поименована “Обстоятельства, исключающие преступность деяния”. При этом, однако, нормативное определение того, что же представляет собой “обстоятельство”, как оно соотносится с закрепленными

¹ Референт Государственно-правового управления Президента РФ, кандидат юридических наук, доцент, заслуженный юрист РФ (тел.: (495) 606-43-00).

² См.: Таганцев Н.С. Русское уголовное право. В 2-х т. Т. 1. М., 1994. С. 183–186, 187–222; Случкий И.И. Обстоятельства, исключающие уголовную ответственность. Л., 1956. С. 11, 12; Курс советского уголовного права / Под ред. А.А. Пионтковского, П.С. Ромашкина, В.М. Чхиквадзе. В 6-ти т. Т. II / М., 1970. С. 342–347; Красиков А.Н. Сущность и значение согласия потерпевшего в советском уголовном праве. Саратов, 1976; Уголовный закон: опыт теоретического моделирования. М., 1987. С. 120; Курбанова Г.С. Обстоятельства, устраняющие общественную опасность и противоправность деяния. Баку, 1991. С. 14–17; Каченко В. Принуждение к повиновению и выполнению правовой обязанности // Сов. юстиция. 1990. № 2. С. 28; Баулин Ю.В. Обстоятельства, исключающие преступность деяния. Харьков, 1991. С. 42; Адельханян Р.А. Военные преступления в современном праве. М., 2003. С. 56–66; Михайлов В.И. Исполнение закона как обстоятельство, исключающее преступность деяния // Уголовное право. 2007. № 1. С. 40–44.

в этой главе необходимой обороной и другими проявлениями правомерного вреда и каков механизм исключения преступности, не дается. Вместе с тем в ст. 37 и 39 УК РФ при характеристике необходимой обороны и крайней необходимости применяется термин “состояние”. В других нормах гл. 8 УК РФ термин “состояние” не употребляется, но анализ их содержания показывает, что возможность или допустимость причинения вреда при задержании лица, совершившего преступление, физическом или психическом принуждении, обоснованном риске, исполнении приказа или распоряжения обуславливается условиями (обстоятельствами, причинами) стоящими вне деяния и в определенном смысле вне деятеля.

В уголовных законах государств, правовая система которых развивалась на общей с Россией основе, правомерный вред определяется, как правило, также с использованием термина “обстоятельство”. Так, ст. 35 УК Узбекистана гласит, что исключаящими преступность признаются обстоятельства, при которых деяние, содержащее предусмотренные данным Кодексом признаки, не являются преступлением ввиду отсутствия общественной опасности, противоправности или вины.

Глава III УК Молдовы называется “Обстоятельства, устраняющие уголовный характер деяния”, к которым отнесены необходимая оборона, задержание преступника, крайняя необходимость, физическое или психическое принуждение и обоснованный риск. Причем при характеристике необходимой обороны и крайней необходимости (ст. 36 и 38 УК Молдовы) законодатель использует термин “состояние”.

Однако каких-либо пояснений по содержанию термина “обстоятельство” в уголовных законах этих государств также не дается.

В странах, законодательство которых привержено иным правовым системам, при определении проявлений правомерного вреда применяются различные термины. В УК Франции 1992 г. непреодолимая сила или принуждения, ошибка относительно права, предписание или разрешение закона или регламента или требование законной власти, правомерная защита, неминуемая опасность, несовершеннолетние (ст. 122-2 – 122-8 УК Франции 1992 г.) объединены в главе “Основания ненаступления уголовной ответственности или ее смягчения”. В уголовном законодательстве США самозащита, необходимая оборона, выполнение должностных обязанностей, личная и крайняя не-

обходимость, согласие, ошибка, невменяемость и другие ситуации правомерного вреда именуются “защитами”.

Таким образом **законодатель различных государств в нормативном определении необходимой обороны и иных проявлений правомерного вреда акцент делал прежде всего на обстановку, в которой причинялся вред.**

В теории советского и российского уголовного права необходимая оборона и крайняя необходимость, а также задержание лица, совершившего преступление, принуждение, риск, исполнение приказа или распоряжения, согласие потерпевшего, выполнение закона и др. обозначаются как “обстоятельство”, “состояние”, “институт”, “положение”, “акт”, “отражение посягательства” или “действие”, хотя специального пояснения этих понятий, как правило, не дается.

Причем зачастую один и тот же автор для характеристики одного и того же проявления правомерного вреда использует разные термины как равнозначные, а для обозначения одного проявления правомерного вреда применяет разные термины. Так, Н.Ш. Козаев в наименовании главы, затрагивающей весь комплекс правомерного риска, использует термин “обстоятельство”; в названии параграфа, посвященного социальной обусловленности и эволюции обоснованного риска в уголовном праве России, обоснованный риск именует “институтом”, а в параграфе, в котором рассматривается понятие обоснованного риска, приводит доводы в пользу того, что содержание нормы об обоснованном риске сводится к ситуации риска³. В.И. Рябчук определяет крайнюю необходимость и как устранение опасности (по сути, деяние), и как состояние⁴.

Однако от определения того, чем же все-таки являются необходимая оборона и иные проявления правомерного вреда, что такое “обстоятельство” и как оно исключает преступность, зависит в том числе определение того, какой отраслью законодательства регулировать такие случаи (только уголовным законом или и иными нормативными актами), каковы процессуальные основания прекращения уголовного дела в связи с причинением вреда в необходимой обороне, крайней необходи-

³ См.: Козаев Н.Ш. Обоснованный риск, как обстоятельство, исключаящее преступность деяния // Энциклопедия уголовного права. Т. 7. Обстоятельства, исключаящие преступность деяния. СПб., 2007. С. 412, 436.

⁴ См.: Рябчук В.И. Правовое обеспечение частной охранной деятельности. СПб., 1994. С. 23.

мости и пр., каким образом проявления правомерного вреда соотносятся с преступлением и т.д.

При этом следует учитывать, что формирование понятия тех фрагментов социальной реальности, для разрешения которых допускается причинение вреда, должно подчиняться общим законам логики и осуществляться через род (путем указания на более общую по отношению к определяемому явлению категорию), вычленение отличительных видовых признаков и преследовать цель отразить то объективно реальное, что характеризует соответствующее понятие, раскрыть его важнейшие, решающие черты, которые в своем единстве отражали бы его качественное своеобразие и одновременно отличали бы от смежных явлений⁵.

В целом в юридической литературе имеются две принципиально отличающиеся точки зрения о наполнении норм гл. 8 УК РФ.

Точка зрения одной группы авторов характеризуется тем, что содержание норм гл. 8 УК РФ сводится к таким поведенческим актам человека, как “деяние”, “действие”, “поступок”, “акт поведения”, “причинение вреда”, “защитная деятельность”, “устранение опасности”⁶ и, соответственно, необходимая оборона и иные проявления вреда, суть деяния. Используемые при характеристике необходимой обороны, крайней необходимости и др. термины “действие”, “деяние”, “поступок”, “акт поведения”, “причинение вреда”, “защитная деятельность” и “устранение опасности” отражают одно – совокупность волевых телодвижений человека, направленных на один объект, совершаемых мотивированно и с определенной целью. В науке такую форму проявления социального поведения индивида называют действием (деянием) или поступком⁷.

Как представляется, адепты этой точки зрения по аналогии с нормами Особенной части УК РФ делают вывод о том, что содержание норм, закрепляющих проявления правомерного вреда, сводится к закреплению в них властных предпи-

саний о необходимости следования определенным правилам поведения. Рассмотрим несколько подробнее научные позиции С.В. Пархоменко и С.В. Баулина.

С.В. Пархоменко считает, что под обстоятельствами понимаются признаки преступления: общественная опасность, виновность, противоправность и наказуемость, и в связи с этим полагает, что исключает преступность деяния, совершенного в состоянии необходимой обороны и т.п., “не само по себе деяние, а юридическое отсутствие в нем (в деянии) конкретных признаков или признака преступления”, т.е. общественной опасности, виновности, противоправности и наказуемости.

Делая такой вывод, С.В. Пархоменко, однако, не учитывает, что в соответствии с дефиницией преступления, изложенной в ч. 1 ст. 14 УК РФ, виновность и противоправность являются свойством (элементом) преступления, но не деяния, и в частности вина определена в качестве подсистемы системы преступления⁸.

По нашему мнению, при конструировании понятия преступления в УК РФ законодатель “наделил” преступное деяние свойством общественной опасности, но произошло это во многом под давлением традиции советской школы уголовного права⁹. Напомним, что русские ученые XIX – начала XX вв., за редким исключением, исходили из того, что материальное понятие преступления проявляется через вредность для охраняемого юридической нормой интереса. Категория “общественная опасность” введена советским уголовным законом и обоснована наукой уголовного права.

В любом случае общественная опасность определяется не как свойство деяния. Нельзя давать характеристику какому-либо явлению путем указания на отсутствие у него тех свойств (элементов), которые по определению находятся вне данного явления.

В связи с этим нет оснований и для вывода о том, что необходимая оборона и другие проявления правомерного вреда суть деяния, в которых отсутствуют конкретные признаки или признак преступления. При этом С.В. Пархоменко отмечает, что в качестве обстоятельства могло бы рассматриваться посягательство, но при условии, если бы гл. 8 УК РФ именовалась “Обстоятельства, при которых исключается преступность деяния” и в статьях этой главы указывалось бы

⁵ См.: Керимов Д.А. Философские проблемы права. М., 1978. С. 9.

⁶ См.: Козак В.Н. Вопросы теории и практики крайней необходимости. Саратов, 1981. С. 38; Зуев В.Л. Необходимая оборона и крайняя необходимость. М., 1996. С. 5; Уголовное право России. Часть Общая / Отв. ред. Л.Л. Кругликов. М., 1999. С. 272; Уголовное право Российской Федерации / Под ред. А.И. Рарога. М., 2001. С. 295; Побегайло Э.Ф. Необходимая оборона // Энциклопедия уголовного права. Т. 7. Обстоятельства, исключающие преступность деяния. СПб., С. 76.

⁷ См.: Леонтьев А.Н. Деятельность, сознание, личность. М., 1975. С. 103; Кудрявцев В.Н. Право и поведение. М., 1978. С. 12–15.

⁸ См.: Курс уголовного права. В 5-ти т. Т. 1 / Под ред. Н.Ф. Кузнецовой и И.М. Тяжковой. М., 2002. С. 138.

⁹ См.: Михайлов В.И. Вред и его регулирование в уголовном законе // Гос. и право. 2007. № 2. С. 61–67.

прежде всего на то, что “вызывает правомерное поведение, а не на само такое поведение”¹⁰.

Вследствие этого можно отметить следующее. **Во всех нормах гл. 8 УК РФ описаны причины (обстоятельства, условия), которые обуславливают правомерность вреда.** Например, в качестве причины, порождающей право на причинение вреда, в ст. 38 УК РФ названо задержание лица, совершившего преступление, для его доставления органам власти и пресечения возможности совершения им новых преступлений, а в ст. 41 УК РФ – достижение общественно полезного результата новыми, недостаточно апробированными средствами.

Анализ соответствующих норм показывает, что в них как раз отсутствует описание деяний, повлекших причинение вреда, и основное внимание уделяется отображению условий, предопределяющих допустимость причинения вреда, объективный характер которых не зависит от того, как их текстуально определяет законодатель, а также размерам вреда, защищаемых и разрушаемых благ.

Поэтому с заявлением о том, что в нормативных предписаниях, регулирующих разрешения вредоносных ситуаций, не указываются причины (условия, обстоятельства), порождающие правомерное поведение, согласиться нельзя.

Ю.В. Баулин на основании обстоятельного анализа сделал в целом верный вывод о том, что каждое обстоятельство, исключающее преступность деяния, представляет собой единство правомерного поступка и присущего ему основания (внешнего события, явления, которые вызывают необходимость совершения в ответ на это того или иного поступка). Вместе с тем, в ходе дальнейших рассуждений он фактически исходит из того, что в нормах о необходимой обороне и других проявлениях правомерного вреда закреплены поступки. Характеристику этих поступков С.В. Баулин предлагает давать через состав поступка как систему юридических признаков субъекта, объекта, субъективной и объективной сторон соответствующего поступка, характеризующих его в качестве общественно полезного или социально приемлемого (допустимого). При этом он отмечает, что состав такого поступка всегда имеет место там, где деяние соответствует всем без исключения признакам, предусмотренным законом, а несоответствия деяния хотя бы одному из таких признаков свидетельствует об

отсутствие данного состава поступка и наличии другого (правомерного или противоправного).

Однако при описании состава конкретного правомерного поступка С.В. Баулиным отмечается, что ряд обязательных элементов состава соответствующего поступка в законе не назван. Это касается, в частности, мотива и цели при необходимой обороне, задержании лица, совершившего преступление, и крайней необходимости¹¹.

По нашему мнению, отсутствие в норме закона тех или иных обязательных элементов состава соответствующего поступка указывает на то, что содержание данной нормы сводится не к поступку, а к основанию (обстоятельству, условию).

В.В. Меркурьев также полагает, что состав необходимой обороны (т.е. защитной деятельности) имеет в своем составе такие элементы, как объект, объективная сторона, субъект, субъективная сторона¹².

В связи с этим следует заметить, что хотя в трудах по общей теории права и некоторых работах, посвященных нормативному регулированию конкретных видов деятельности, правомерное поведение также предлагается оценивать при помощи субъективных (вина и субъект) и объективных (объект и объективная сторона) элементов¹³, но в соответствующих отраслях правовой науки и на практике такой подход применения не находит даже при характеристике гражданского деликта, не говоря уже о случаях правомерного причинения вреда объектам охраны уголовного закона при отражении посягательств, защите правоохраняемых интересов и др.

Категория “состав” специально разрабатывалась в теории уголовного права для описания лишь запрещенных деяний (преступления и административного проступка). Состав преступления и его отдельные элементы конструируются таким образом, чтобы отображать те свойства деяния и деятеля, которые указывают на неизбежное причинение вреда объекту уголовной охраны с отрицательным отношением субъекта к правопорядку. В этом смысле нанесение вреда при необходимой обороне и при иных предусмотренных в гл. 8 УК РФ ситуациях выступает исключением, которое

¹⁰ Пархоменко С.В. Деяния, преступность которых исключается в силу социальной полезности и необходимости. СПб., 2004. С. 62–70.

¹¹ См.: Баулин Ю.В. Обстоятельства, исключающие преступность деяния. Харьков, 1991. С. 17, 18, 41, 138, 242, 286 и 308.

¹² См.: Меркурьев В.В. Состав необходимой обороны. СПб., 2004. С. 11, 12.

¹³ См.: Назаренко Г.В. Общая теория права и государства. М., 2001. С. 101, 102; Оперативно-розыскная деятельность / Под ред. К.К. Гориянова, В.С. Овчинского, А.Ю. Шумилова. М., 2001. С. 306–325.

обусловлено особенностями той обстановки, в которой приходится действовать лицу.

Наличие или отсутствие во вредоносном деянии состава соответствующего правомерного поступка можно определить, лишь соотнеся его признаки с теми признаками, которые закреплены в соответствующей норме закона. В нормах гл. 8 УК РФ не предусмотрены элементы состава правомерного вредоносного деяния, отражающего посягательство, обеспечивающего защиту правоохраняемых благ и т.д., а в теории права по этому вопросу наблюдается весьма широкий спектр мнений.

Научно разработанная совокупность элементов применительно к каждому из известных законодательству проявлений правомерного вреда может быть воспринята практикой лишь при условии их нормативного введения. Но для этого придется принципиально менять подход законодателя к конструированию необходимой обороны и других проявлений правомерного вреда, так как в уголовных законах проявления правомерного вреда традиционно отображаются путем описания основных свойств тех фрагментов социальной реальности, которые обуславливают признание вреда, причиняемого при их разрешении, правомерным.

Как представляется, авторы, придерживающиеся точки зрения, согласно которой содержание норм гл. 8 УК РФ сводится к деянию, исходят из схожести причинения вреда при отражении посягательства и в других аналогичных случаях с преступлением. Но эта схожесть внешняя, несущественная. **Соответствующие вредоносные деяния (действия или бездействия) значимы для социума не только в связи с объектом, которому причинен вред, но и прежде всего в контексте вызвавших их причин, интересов, которым причинен ущерб и (или) которые защищались, субъектов таких деяний, места, времени их совершения и других социальных аспектов.** Так, лишение жизни солдата неприятельской армии во время боя считается подвигом, но если смерть такому же солдату причиняется вне военной обстановки, то такое деяние признается преступлением¹⁴, хотя в том и другом случае от объективного одинакового деяния страдает одна

и та же совокупность общественных отношений – отношений, обеспечивающих жизнь человека. По объективным параметрам подвиг от преступления отличается не характером телодвижений человека (они могут быть идентичными и быть направлены на один объект уголовной охраны), а обстановка, в которой совершаются соответствующие деяния.

Свойство правомерности деяния и вреда, детерминировано причиняемого в результате этого деяния, всецело формируется объективным фактором, т.е. той социальной ситуацией (совокупностью внешних по отношению к деянию факторов), в которой оно совершается.

Поэтому сведение необходимой обороны и иных проявлений правомерного вреда к конкретному поведенческому акту (деянию, поступку, действию, бездействию, отражению посягательства) не позволяет выявить, во-первых, те обстоятельства (условия, причины), которые объективно обуславливают право или обязанность действовать вредоносным способом, и, во-вторых, пределы вреда, допускаемого для разрешения данной обстановки, а также определить гипотезу, диспозицию и санкцию норм гл. 8 УК РФ.

Точка зрения другой группы авторов на содержание норм гл. 8 УК РФ сводится к тому, что при характеристике необходимой обороны и других проявлений правомерного вреда следует делать акцент на то, в какой обстановке, при каких условиях, в силу каких причин происходит причинение вреда.

При этом содержание норм о необходимой обороне и других проявлениях правомерного вреда характеризуется ими при помощи таких терминов, как “основание”, “обстоятельство”, “положение”, “состояние”, “ситуация”, “условия” или “внешний фактор”¹⁵. Эти авторы, хотя и не дают

¹⁴ См.: *Сорокин П.* Преступление и кара, подвиг и награда. СПб., 1999. С. 113; IV Гагская конвенция о законах и обычаях сухопутной войны (г. Гаага, 1907 г.) // Действующее международное право. В 2-х т. Т. 2. М., 1997. С. 575–587; Женевская конвенция “Об обращении с военнопленными” (Женева, 1949 г.) // Международная защита прав и свобод человека. Сборник документов. М., 1990. С. 454–512.

¹⁵ См.: *Розин Н.Н.* О крайней необходимости. Уголовно-юридическое исследование. СПб., 1899. С. 21; *Овезов Н.А.* К вопросу об обстоятельствах, устраняющих общественную опасность деяния в советском уголовном праве. Ашхабад, 1972. С. 76 и др.; *Ткачевский Ю.М.* Оправданный профессиональный и производственный риск как обстоятельство, исключающее уголовную ответственность // Вестник МГУ. Серия 11 “Право”. 1991. № 3. С. 16–22; *Наумов А.В.* Российское уголовное право. Общая часть. Курс лекций. М., 1996. С. 327, 328; *Милоков С.Ф.* Обстоятельства, исключающие преступность деяния. СПб., 1998. С. 30; *Орешкина Т.* Физическое или психическое принуждение как обстоятельство, исключающее преступность деяния // Уголовное право. 2000. № 1. С. 33–35; *Антонов В.Ф.* Крайняя необходимость в уголовном праве. М., 2005. С. 25; *Орешкина Т.Ю.* Обеспечена ли системность гл. 8 УК РФ // Системность в уголовном праве. Материалы Российского конгресса уголовного права. 31 мая – 1 июня 2007 г. М., 2007. С. 302–304.

четкого определения понятию “обстоятельства, исключającego преступность деяния”, тем не менее при описании необходимой обороны и других проявлений правомерного вреда имеют в виду тот фрагмент реальности, в границах которого допустимо причинение вреда и в пределах которого юридические нормы осуществляют регулирование поведения людей. Например, Т.В. Кондрашова указывает, что существует ряд условий, обстоятельств, при которых совершаемое деяние, формально содержащее признаки какого-либо состава преступления, утрачивает общественную опасность и виновность¹⁶.

В.А. Блинников отмечает, что любое из обстоятельств, исключających преступность деяния, обусловлено “внешним фактором”, наличие которого дает юридическое дозволение на причинение вреда. По его мнению, этот “внешний фактор” может представлять собой деятельность другого человека (при обороне, задержании или принуждении); он может быть силами природы, порождающими крайнюю необходимость или обоснованный риск. Описывая “внешний фактор”, В.А. Блинников показывает его временные и пространственные характеристики, особо выделяя при этом наличность и реальность его возникновения и развития. Исходя из своих рассуждений, он делает в принципе верный вывод о том, что обстоятельство, исключające преступность деяния, изначально обуславливается тем или иным “внешним фактором”, создающим юридические условия для непризнания причиненного вреда противоправным¹⁷.

При оценке названных научных позиций, касающихся содержания норм о необходимой обороне и других проявлениях правомерного вреда, и терминов, при помощи которых это содержание описывать, также нужно иметь в виду, что в русском языке под “обстоятельством” понимается какое-либо условие, определяющее существование кого-либо, чего-нибудь; какая-либо данность, определяющая связь какого-либо дела с тем, о ком идет речь. В свою очередь, “состояние” определяется как внешние или внутренние обстоятельства, в которых находится кто-нибудь или что-ли-

бо, а “положение” – как состояние чего или кого, внешние или внутренние обстоятельства¹⁸.

Следует также учитывать, что закон, являясь одним из наиболее значимых общественных регуляторов, устанавливает поведение людей не вообще, а применительно к определенной обстановке, складывающейся под влиянием различных факторов.

Поэтому **содержание норм гл. 8 УК РФ должно характеризоваться при помощи категории, “вмещающей” в себя те объемы реальности, разрешение которых допускается социумом посредством индивидуального вредоносного поведенческого акта (деяния), известной праву и нормотворчеству.**

Данным условиям соответствует такая категория, как социальная ситуация, под которой в праве понимается локализованный в пространстве и во времени фрагмент общественной жизни, характеризующийся качественной определенностью своего содержания и относительно стабильным составом участников, являющийся первичным элементом регулирования юридической нормы¹⁹.

Категория “социальная ситуация” применяется не только в праве, но и в психологии, криминологии и других областях знания²⁰. Каждая из отраслей науки, исходя из задач, решаемых ею, при определении социальной ситуации выделяет наиболее значимые для этой отрасли знаний аспекты. При этом в любом случае в качестве сущностных называются такие стороны социальной ситуации, как пространственно-временные рамки, субъекты, а также социально значимые деяния, применяемые для ее разрешения.

Используемый при этом термин “социальная” призван подчеркнуть, что в данном случае речь идет не об отдельном жизненном случае, “привязанном” к соответствующим времени, месту, кругу лиц и т.д., а о некой общности случаев, обладающих одинаковыми чертами.

Социальные ситуации порождаются различными причинами, в частности природными и техногенными факторами и (или) поведением че-

¹⁶ См.: Уголовное право. Общая часть / Отв. ред. И.Я. Козаченко и З.А. Незнамова. М., 1997. С. 263.

¹⁷ См.: Блинников В.А. Обстоятельства, исключające преступность деяния, в уголовном праве России. Ставрополь, 2001. С. 23–29; *Его же*. Понятия и юридическая природа обстоятельств, исключających преступность деяния/ Энциклопедия уголовного права. Т. 7. Обстоятельства, исключające преступность деяния. С. 22–29.

¹⁸ См.: *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 2. М., 1998. С. 622; *Ожегов С.И. и Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка. М., 2001. С. 438, 555, 751.

¹⁹ См.: *Исаков В.Б.* Юридические факты в советском праве. М., 1984. С. 48–49; *Общая теория права* / Под общ. ред. В.К. Бабаева. Н. Новгород, 1993. С. 287.

²⁰ См.: *Краткий психологический словарь*. М., 1985. С. 323; *Кондратьев Л.В.* Антропология преступления. М., 2002. С. 207.

ловека, и могут разрешаться различными способами. Причем одни и те же ситуации вызываются строго определенными причинами (факторами, обстоятельствами), которые обуславливают право или обязанность действовать в общественно значимых целях даже путем причинения вреда, пределы которого, а также пространственно-временные и иные ограничители возможности разрешения ситуации вредоносным образом, хотя и объективированы ходом общественного развития, но, как правило, устанавливаются законодателем согласно сложившейся в обществе системе ценностей.

Любая социальная ситуация характеризуется совокупностью только ей присущих существенных элементов (признаков). Если отсутствует один или несколько из таких элементов (признаков), то и в целом нет соответствующей ситуации. И наоборот, присутствие всех указанных элементов (признаков) свидетельствует о наличии оной.

Субъектный состав социальной ситуации включает лиц, интересам которых причиняется вред, и лиц, деяния которых причиняют вред, а также лиц, интересы которых защищались, в совокупности их юридических статусов и психического отношения.

Например, ситуацию крайней необходимости порождает случайно возникающая опасность объектам охраны уголовного закона и невозможность ее устранения без причинения вреда “третьим” лицам. Пространственно-временные пределы определяются непосредственностью опасности. Если опасность уже превратилась в реальность или опасность непосредственно воздействовать на объект уголовной охраны в связи с пространственной удаленностью не может, следовательно, ситуация крайней необходимости уже реализовалась или еще не сформировалась. Содержание этой ситуации зависит от возможности причинять вред одним отношениям в целях сохранения других, более значимых отношений. Постоянство субъектного состава обуславливается взаимосвязью интересов лица, которому причинен вред, лица, причинившего вред, и лица, чьи интересы защищались.

Нормативное регулирование разрешения социальных ситуаций, т.е. закрепление в норме модели желательного или допустимого вредоносного поведения, осуществляется только при их социальной значимости и “зрелости”, наличии у этих ситуаций устойчивых черт, закономерно проявляющихся при определенных условиях, позволяющих эти ситуации типизировать, и при условии, что эти социальные ситуации имеют

общественное значение, объективно поддаются нормативному регулированию и нуждаются в таком регулировании.

Причем, как показывает анализ развития советского и российского законодательства, возникновение и формирование новых типичных социальных ситуаций, разрешение которых сопряжено с причинением вреда, происходит в рамках ситуации крайней необходимости. По мере “созревания” новых социальных ситуаций правомерного вреда законодатель познавал их и отражал их признаки (в зависимости от особенностей каждой из них) в нормах различных отраслей законодательства. Крайняя необходимость выступает как основа или, условно говоря, “эмбрион”, из которого “вызревают” все социальные ситуации правомерного вреда. На “долю” собственно ситуации крайней необходимости остается все то, что не охватывается другими ситуациями правомерного вреда.

Социальные ситуации, разрешение которых связано с причинением вреда, проявляются на различных социальных уровнях (индивидуальном или общественном) либо сферах деятельности (правоприменительной, управленческой, хозяйственной). Закрепляемая в правовых нормах путем указания на объемы допускаемого вреда модель поведения в таких ситуациях должна быть обычной для большинства членов общества, одобряться или допускаться ими и обеспечиваться авторитетом государства. Так, ст. 37 УК РФ охватывает лишь те случаи необходимой обороны, которые связаны с причинением вреда отношениям, охраняемым уголовным законом, и которые нуждаются в нормативном признании причиненного вреда правомерным.

Именно социальная ситуация как совокупность внешних по отношению к деянию причин обуславливает свойство правомерности вреду, причиненному объектам уголовной охраны при отражении посягательств или при ином обеспечении защиты других, как правило, более общественно значимых интересов. Поэтому хотя в русском языке понятия “обстоятельство”, “ситуация”, “условие” и “положение” являются синонимами, но употребление термина “ситуация”, по крайней мере при юридическом анализе содержания норм о необходимой обороне и других проявлений правомерного вреда, предпочтительнее как имеющее конкретное правовое содержание²¹.

²¹ Положение о том, что необходимая оборона, задержание лица, совершившего преступление, крайняя необходимость, обоснованный риск, исполнение приказа и распоряжения, исполнение закона, согласие лица и пр. суть — ситуация, высказывалось нами ранее (см., в частности:

По своей юридико-технической конструкции нормы, отражающие ситуации правомерного вреда, являются нормами-исключениями из норм, содержащих определения преступления. В нормах гл. 8 УК РФ в исключение из общего запрета содержится противоположное по отношению к запрещенному поведению предписание – дозволение. Поэтому ситуации правомерного вреда являются элементами нормативного определения преступления.

Норма, регулирующая разрешение вредоносных ситуаций, обладает всеми свойствами любой юридической нормы, состоит из гипотезы, диспозиции и санкции и проявляется как общеобязательное правило поведения, соблюдение которого обеспечивается мерами государственного воздействия.

В гипотезах норм гл. 8 УК РФ закрепляются признаки соответствующей ситуации правомерного вреда. В диспозиции указываются пределы вреда, допускаемого при разрешении данной ситуации, и другие условия, при которых причинение вреда объекту уголовной охраны признается правомерным. В санкции предусмотрено, что следование условиям правомерности влечет признание вреда правомерным, а нарушение – преступным.

Михайлов В.И. О социальном и юридическом понимании крайней необходимости // *Права человека и проблемы обеспечения законности. Межвуз. сборник научных трудов.* Н. Новгород, 1993. С. 79–90; *Его же.* О социально-юридическом аспекте содержания обстоятельств, исключающих преступность деяния // *Гос. и право.* 1995. № 12. С. 59–69; *Его же.* Нормативное регулирование причинения правомерного вреда в сфере предпринимательства // *Закон.* 2000. № 7. С. 36–47; *Его же.* Обоснованный риск в уголовном праве // *Законодательство.* 2001. № 7. С. 73–82; *Его же.* Обстоятельства, исключающие преступность деяния, в уголовном законодательстве государств СНГ // *Законодательство.* 2003. № 7. С. 73–82).

Таким образом, содержание норм гл. 8 УК РФ сводится к закреплению в них социальных ситуаций, разрешение которых допустимо любым вредоносным действием; о содержании деяния в нормах ничего не указано.

Такое понимание наполняемости норм гл. 8 УК РФ позволяет более точно определять, во-первых, те фрагменты общественной жизни, при возникновении которых допустимо действовать даже путем причинения вреда, во-вторых, категории лиц, которым предоставляется право или даже обязанность действовать вредоносным образом в соответствующей обстановке, в-третьих, временные, пространственные и иные границы действия законодательных предписаний о необходимой обороне и других проявлениях правомерного вреда, а также формировать пределы вреда, допустимого для каждой из таких ситуаций.

В целях повышения эффективности норм гл. 8 УК РФ следует: разработать алгоритм оценки вреда в ситуациях необходимой обороны и других ситуациях, предусмотренных в гл. 8 УК РФ, так как используемые в таких случаях правила квалификации не применимы в силу того, что ориентированы на состав; в уголовно-процессуальном законодательстве закрепить в качестве самостоятельного основания, исключающего производство по уголовному делу, причинение вреда в ситуации правомерного вреда (в обстоятельствах, устраняющих преступность деяния) и закрепить также в норме о предмете доказывания необходимость установления ситуаций правомерного вреда (обстоятельств, устраняющих преступность деяния) в ходе производства дознания, предварительного следствия и разбирательства дела в суде.